

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА

Для тех, кто умеет читать и любить Пушкина, «петербургские» повести его сами собой слагаются в замкнутый, неразрывный цикл. «Домик в Коломне», «Медный Всадник» и «Пиковая Дама» составляют этот магический круг, в который поэт вводит нас силой таинственного своего гения. Мы переступаем черту и оказываемся замкнутыми в необычайном, доселе неведомом мире, которого законы совершенно своеобразны, но непреложны, как законы нашего повседневного мира.

Казалось бы, самая атмосфера, в которой протекают замысловатые, но немного нелепые события «Домика в Коломне», бесконечно чужда хаотическим видениям «Медного Всадника» или сумрачным страстям «Пиковой Дамы». Все просто и обыденно в «Домике в Коломне», все призрачно и опасно в «Медном Всаднике», все напряженно и страстно в «Пиковой Даме». Но что-то есть общее между ними. Мы смутно чувствуем это общее — и не умеем назвать его. Мы прибегаем к рискованному способу: образами говорим об образах, но тем лишь затемняем их изначальный смысл. Мы говорим о «петербургском воздухе», о дымке, нависшей над «топкими берегами», — и в конце концов сами отлично знаем, что разрешение загадки не здесь. Во всяком случае — не только здесь.

В самом деле: ведь нельзя же признать, что все три повести так неразрывно связаны в нашем сознании только потому, что местом их действия является Петербург. Если власть его, как «простертая рука» Петра, ощущается над всеми действующими лицами «Медного Всадника», то уже в применении к «Домику в Коломне» нельзя говорить о том же без крайней натяжки. Что же касается «Пиковой Дамы», то в ней Петербург как таковой не играет никакой роли. И однако, мы чувствуем, что все три повести внутренне чем-то связаны.

И не личность Петра, не проблема «петербургского периода» русской истории составляет эту связь. Как бы ни были интересны, многозначительны и под-

час глубоки известные нам толкования «Медного Всадника» — ни одно из них не в силах раскрыть прямую связь этой повести с «Домиком в Коломне» и «Пиковой Дамой». Ни одно из этих толкований не простирается за пределы «Медного Всадника», не перебрасывает моста к другим, тоже петербургским повестям Пушкина. Приходится воспользоваться старым сравнением, но мы действительно угадываем эту связь, еще не видя ее, как астрономы умеют угадывать существование звезды, еще недоступной их оптическим инструментам.

До очень недавних дней нельзя было надеяться, что тайна может получить разрешение, сколько-нибудь прочно обоснованное. Вряд ли в истории русской литературы есть еще хоть одна область, столь же хорошо разработанная, как изучение Пушкина, и, однако, ни одна гипотеза, которая попыталась бы вскрыть прямое взаимоотношение «Домика в Коломне», «Медного Всадника» и «Пиковой Дамы», не могла опереться ни на какие документальные данные. Лишь в самом конце 1912 года сделано было открытие, может быть не до конца оцененное даже теми, кто его сделал.

В газете «День», в №№ от 22, 23 и 24 декабря 1912 года, П.Е.Щеголевым, а также в январской книжке журнала «Северные Записки» за 1913 год — Н.О.Лернером была напечатана повесть, впервые появившаяся в альманахе «Северные Цветы» на 1829 год за подписью Тита Космокротова.

Она называется «Уединенный домик на Васильевском». История ее, с несомненностью доказанная обоими названными исследователями, в общих чертах такова. Однажды вечером, в 1829 году, у Карамзиных, Пушкин рассказал описанную в «Уединенном домике» повесть небольшому кружку слушателей. В числе их находился молодой литератор В.П.Титов. Повесть произвела на него впечатление, и он, придя домой, записал ее. Затем отнес Пушкину, тот просмотрел запись — и в результате повесть была напечатана в редакции Титова, но с пушкинскими поправками в «Северных Цветах».

О том, что «некто Титов» записал со слов Пушкина «сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров», — рассказала в записках своих

еще А.П.Керн. Однако вместо «Северных Цветов», в которых был напечатан рассказ, она ошибочно назвала альманах «Подснежник». Позднее ошибка ее была исправлена, но только в 1912 году, с выходом книги бар. А.И.Дельвига «Мои воспоминания», стало возможно с уверенностью приписывать замысел «Уединенного домика» Пушкину. В воспоминаниях бар. А.И.Дельвига помещено письмо самого Титова, излагающее историю повести. Пятьдесят лет спустя после того, как «Уединенный домик» был напечатан, Титов (он же Тит Космократов) рассказывает:

«В строгом историческом смысле это вовсе не продукт Космократова, а Александра Сергеевича Пушкина, мастерски рассказавшего всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском острове, поздно вечером, у Карамзиных, к тайному трепету всех дам... Апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшие на карту сотнями душ, с рогами, зачесанными под высокие парики, — честь всех этих вымыслов и главной нити рассказа принадлежит Пушкину. Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая, однако, быть ослушником ветхозаветной заповеди “не укради”, пошел с тетрадью к Пушкину в гостиницу “Демут”, убедил его прослушать от начала до конца, воспользовался многими, поныне очень памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в “Северные Цветы”».

Итак, мы имеем дело не с непосредственным созданием самого Пушкина: *написан* «Уединенный домик» не им, а Титовым. Однако не только *замысел* и *фабула* повести, но и некоторые детали ее принадлежат великому поэту, которого каждое слово, каждая мысль, каким бы путем они ни дошли до нас, — драгоценны. Особая, ему только присущая, ценность «Уединенного домика» заключается в том, что он позволяет с уверенностью вскрыть взаимную внутреннюю связь в целом ряде петербургских повестей Пушкина.

Для лиц, еще незнакомых с повестью, мы вкратце приведем здесь ее содержание, чтобы дальнейшие слова наши были им понятны.

На северной окраине Васильевского острова сто-

ял домик. В нем жила бедная вдова с одной служанкой и с дочерью Верой. Про старуху ходили всякие слухи, не очень хорошие. Бывал у нее молодой человек, отдаленный родственник, по имени Павел. Он не совсем был равнодушен к прекрасной и добродетельной Вере, не женился же потому, что «принадлежал к числу тех рассудительных юношей, которые терпеть не могут излишества в двух вещах: во времени и деньгах». Павел водил дружбу с неким Варфоломеем, хорошим товарищем, но человеком довольно странным, никогда не бывавшим в церкви (в противоположность Вере и ее матери) и умевшим доставать деньги из каких-то таинственных источников. Время дружей протекало в попойках и развлечениях. Но однажды Павел, давно не бывший у Веры, почувствовал угрызения совести и хотел к ней отправиться. Как вдруг, едва выйдя за ворота, встретил Варфоломея. Тот, узнав, что Павел идет к «бедным родственникам», стал просить взять и его туда же. Павел долго отказывался, но наконец уступил, побежденный речами Варфоломея и его взглядом, «который всегда имел на слабого юношу неодолимое действие». Он повел товарища к Вере и ее матери. Вера уже, оказывается, знала в лицо Варфоломея: она видела его дважды, выходя из храма. Варфоломей пугал ее: «его лицо не отражало души, подобно зеркалу, а подобно личине скрывало все ее движения; и на его челе, видимо спокойном, Галль верно заметил бы орган высокомерия, порока отверженных». Однако Вера сумела скрыть свое нерасположение к новому знакомому. Посещения Варфоломея, быстро сумевшего разными способами, вплоть до магических, втереться в доверие к старухе, сделались часты. Видимо, Вера ему нравилась. Конечно, сама она предпочитала Павла. Но Варфоломей не ревновал. У него были свои планы. Однажды он сказал Павлу, что ко всем его достоинствам надо бы прибавить еще одно: навык жить в свете, необходимый Павлу и теперь, и тогда, когда он женится на Вере. И вот он ведет Павла к какой-то красавице графине, у которой собираются странные гости, по-видимому скрывающие рога под высокими париками и козлиные ноги под широкими шароварами. Обычное их времяпрепровождение — игра в карты. Здесь понтируют сотнями душ. Графиня пленяет Павла. Он забывает Веру. Но графиня и Вар-

фоломей, усердно посещающий между тем домик на Васильевском, мучат бедного Павла ревностью. Он теряет голову и попадает в ловушку. Однажды, стараясь забыть графиню, идет он к Вере, но та уже холодна с ним. Павел требует у Варфоломея объяснений, но тот объявляет, что Вера уже влюблена в него, Варфоломея. Павел бросается на друга, но чувствует сильный, хоть и безболезненный удар, от которого падает. Опомнившись, он видит, что Варфоломея уже нет, но в ушах его еще звучат последние слова коварного приятеля: «Потише, молодой человек, *ты не с своим братом связался*». Павел спешит домой и застает там записку графини: холодность ее объясняется недоразумением, и его просят в гости. Подпись — «Вечно твоя И.». Павел не может противиться искушению и спешит к красавице. Там прочие гости мешают его счастью, но соблазнительница успевает шепнуть ему: «Завтра в одиннадцать часов ночи на заднее крыльцо». Конечно, во сне Павел видел графиню, а проснувшись на другой день, едва дождался условленного часа. Наконец он у графини. Она одна, счастье близко. Но в тот миг, когда «Павел думал уже вкусить блаженство», раздается стук в дверь. «Графиня в смущении отворяет». Вошедшая горничная докладывает, что какой-то человек, пришедший с заднего крыльца, желает видеть молодого господина. Павел сердится, но идет в прихожую. Там ему говорят, что человек ушел, и Павел возвращается к красавице, но стук повторяется снова, и та же служанка приходит с теми же словами. Павел в ярости кидается в прихожую, оттуда на двор — «но там ничто не колыхнется, и лишь только снег безмолвно валит хлопьями на землю». Павел бранит слуг и опять возвращается в кабинет. Но стук раздается в третий раз. Павел хочет «дознаться, что тут за привидение». «Вбегая в прихожую, он видит край плаща, который едва успел скрыться за затворяемой дверью; опрометью накидывает он шинель, хватая трость, бежит на двор и слышит стук калитки, которая лишь только захлопнулась за кем-то». Павел окликает незнакомца и бежит за ним. На улице он «издали видит высокого мужчину, который как будто останавливается, чтоб поманить его рукою, и скрывается в боковой переулок». Павел старается не отстать. Незнакомец то манит, то исчезает. Наконец Павел оказывается по

колена в снегу, на неведомом перекрестке. Незнакомец пропал*. Куда идти? Вдруг — извозчик. Павел нанимает его, чтобы ехать домой. Едут. Снег, «луна во вкусе Жуковского». Едут долго, неизвестными местами. Павел видит, что они и вовсе выехали из города, и пугается, вспомнив слухи об извозчиках, которые на Волковом поле режут своих седоков. «Куда ты везешь меня?» Молчание. При свете луны седок всматривается в жестяной номер извозчика и видит число: 666. Тогда Павел еще громче повторяет вопрос, но, не получив ответа, изо всех сил бьет извозчика палкой. Тот оборачивается, и Павел вместо лица видит мертвый череп. В ужасе он крестится. Сани опрокидываются, слышится адский хохот, и Павел остается один за заставой... Неизвестно, как очутился он дома, больной, в постели. Это была никому не понятная болезнь: «все давало повод думать, что ее причина крылась в душе, а не в теле». На третий день, едва он успел прийти в себя, прибежала к нему Верина служанка. Старуха плакала, говоря, что «барыня приказала долго жить», а Вера — в доме священника. Павел помчался на Васильевский. Оказалось, вдова давно уже была больна. На врача денег не было. Лечил ее Варфоломей. «Лекарства, доставленные им, хотя и не всегда помогали больной, но постоянно придавали ей веселости». Она думала о «житейском», подзывала к постели Веру и Варфоломея, заставляя их целоваться, как жениха с невестой. Вера и сама уже предпочитала Варфоломея, заботливого и услужливого, истинного друга, рассеянному Павлу. Между тем старухе становилось все хуже. Вера хотела позвать духовника, но Варфоломей препятствовал, говоря, что это отнимет у больной последнюю надежду, а следовательно, и силу жить. В тот самый вечер, когда Павел находился у графини, старухе сделалось совсем худо. Вера молила Варфоломея позвать священника. Наконец он решился, вместо священника, привести знакомого своего врача, весьма искусного, говоря при этом: «Смотрите, там еще не явится первая звезда, как я буду назад, и тогда решимся; обещаете ли

* Сцена эта напоминает рассказ о видении императора Павла, в то время, к которому относится видение, — еще великого князя. Призрак Петра Великого так же точно манил его — и исчез на том месте, где впоследствии был поставлен Медный Всадник. Рассказ об этом видении мог быть известен Пушкину.

только не звать духовника до моего прихода?» Вера обещала. Варфоломей ушел за врачом, но настал вечер, а он все не возвращался. На небе не горело ни одной звезды: шла метель. Вера потеряла терпение и послала за священником. До церкви было далеко, и старуха тоже долго не возвращалась. В это время вернулся Варфоломей, расстроенный и бледный. Он сказал, что врач велел послать за попом, — и прибавил: «А! вижу; вы послали уже... туда и дорога». Это произнес он с «какой-то сухостью, в которой обнаруживалось отчаяние...».

Ночью вернулась служанка с известием, что священника дома нет, но что он вернется домой, ему скажут и он тогда придет к умирающей. Через полчаса вдова умерла. Варфоломей стал уверять Веру, что со смертью вдовы он лишается и любви Вериней. «Девуцу испугало его отчаяние». Она уверяет его в любви своей, но он требует, чтобы она тотчас поклялась принадлежать только ему и любить его больше души своей. Вера его успокаивает, обещая скоро венчаться. Но в ответ на эти слова Варфоломей стал говорить, что он презирает пустые обряды, и звал девушку «в какое-то дальнее отечество», где обещал осыпать ее «блеском княжеским». Тут, испугавшись страсти его, Вера хотела бежать, но Варфоломей преградил ей путь: «Никакая сила не защитит тебя от моей власти». «Бог защитник невинных!» — вскричала Вера и упала на колени перед распятием. «Варфоломей остолбенел, лицо его изобразило бессильную злобу. — Если так, — возразил он, кусая себе губы, — если так... мне, разумеется, с тобою делать нечего; но я заставлю твою мать сделать тебя послушною. — Разве она в твоей власти? — спросила девица. — Посмотри, — отвечал он, уставивши глаза на полурастворенную дверь спальни, и Вере привиделось, будто две струи огня текут из его глаз и будто покойница, при мерцании свечи нагоревшей, приподнимает голову с мукою неопикуемой и иссохшею рукою машет на Варфоломея. Тут Вера увидела, с кем имеет дело. — Да воскреснет Бог! и ты исчезни, окаянный! — вскрикнула она, собрав всю силу духа, — и упала без памяти». Тут начался пожар. Дом сгорел, а с ним и покойница. Веру служанка вынесла. В огне не то рушились горящие балки, не то прыгали бесы. После пожара Варфоломей пропал.

Все это Павел узнал от старухи, спеша к дому священника, опоздавшего к умирающей, но приютившего у себя Веру. Девушка была больна. Павел за ней ухаживал. Под влиянием пережитого «он забывал и прелести таинственной графини, и буйные веселия юности, сопряженные с такими пагубными последствиями. Одно его моление к небу состояло в том, чтобы Вера исцелилась и он мог служить для ней образцом верного супруга». Но Вера уже предчувствовала близкую смерть и, когда настала весна, умерла. Павел уехал из Петербурга и поселился в отдаленной вотчине. Там он жил чужаком, нелюдимом, не выносил женщин, «а при появлении высокого белокурого человека с серыми глазами приходил в судороги, в бешенство». Умер он сумасшедшим, в раннем возрасте. Всю историю повествователь заканчивает такими словами: «Повесть его и Веры известна некоторым лицам среднего класса в Петербурге, через которых дошла и до меня по изустному преданию. Впрочем, почтенные читатели, вы лучше меня рассудите, можно ли ей поверить, и откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела, когда никто не просит их?»

Такова фабула повести. Мы, вероятно, никогда не узнаем, сделал ли в ней Титов какие-либо изменения или же она была рассказана Пушкиным именно в такой форме. Не узнаем мы и того, каких именно мест коснулась пушкинская рука в печатной редакции «Уединенного домика на Васильевском».

Так же трудно гадать, с каким чувством Пушкин сделал Титову свой подарок. Подарил ли он план повести потому, что не придавал ему большой цены? Постеснялся ли отказать расторопному поклоннику, явившемуся с готовой записью? Уступил ли, наконец, «ласковому насилию», мысленно пожав плечами и обозвав Титова крепким словом? Но как бы то ни было — повесть досталась Титову, тот напечатал ее в альманахе Дельвига, и Пушкин не только не протестовал, но и внес в рукопись какие-то поправки. Однако из этих предположений наименее вероятно первое: Пушкин вряд ли с особенной легкостью отказался от повести. Мы не знаем, во что превратилась бы она, если бы не была подарена Титову, но у нас есть основания предполагать, что окончательно с ней расстаться Пушкин не захотел.

Основная тема «Уединенного домика» с совершенной ясностью выражена в заключительных словах повести: «откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела?..» Выраженный, быть может, не с такой резкостью, расширенный, осложненный и углубленный, — но все же именно этот самый вопрос является основной темой целого ряда произведений Пушкина, созданных в два болдинских периода, из которых первый непосредственно следовал за описанными событиями.

Вмешательство темных, невидимо, но близко окружающих нас сил, то, как это вмешательство протекает и чем кончается, — вот основной мотив «Домика в Коломне», «Медного Всадника» и «Пиковой Дамы».

Подарив Титову фабулу своей повести, быть может еще не до конца продуманную, сам Пушкин не избавился от соблазна вернуться к основной теме «Уединенного домика». «Домик в Коломне» — первая попытка, сделанная им в этом направлении. «Домик в Коломне» написан в Болдине, в октябре 1830 года. Быть может, именно недавняя уступка «Уединенного домика» Титову была причиной того, что в «Домике в Коломне» Пушкин, с одной стороны, подошел к теме на этот раз наиболее реалистически, а с другой стороны — разрешил ее так легко. Можно предполагать, что он пародировал «Уединенный домик», как пародировал в «Графе Нулине» «историю и Шекспира».

Как бы то ни было — уже самое название повести Пушкина является как бы параллелизмом к титовской повести: «Уединенный домик на Васильевском» — «Домик в Коломне». Во втором случае отброшен эпитет и избрана другая окраина все того же Петербурга. И в самой повести внимательный взгляд находит такие же параллельные места.

«Несколько десятков лет тому назад, когда сей околоток был еще уединеннее, в низком, но опрятном деревянном домике... жила старушка, вдова одного чиновника... Все ее семейство составляли дочь и престарелая служанка». Так начинается фабула «Уединенного домика на Васильевском». И Пушкин, едва услав свою распалившуюся Музу, целых двадцать две октавы наболтавшую о Буало, об александрийском стихе, господине Копе и многом другом, — начинает самое повествование такими словами:

...Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка...

И была у них, в довершение сходства, «стряпуха Фекла, добрая старуха».

Как видим, и там и здесь обстановка и место действия весьма схожи: маленький, бедный домик на петербургской окраине. Действующих лиц Пушкин просто оставил тех же, назвав лишь Веру Парашей. Обе они — равно простые, милые девушки, равно исправно посещающие церковь. Жизнь одинаково мирно течет и в домике на Васильевском, и в домике, стоящем в Коломне.

Но вот — в эту жизнь вторгается посторонняя, темная сила; как Варфоломей вторгся в уединенный домик, так и теперь в домик коломенский вторгается некто неведомый. Все черные замыслы Варфоломея направлены в сторону чистой, невинной Веры. Такая же невинная Параша сама служит причиной вторжения, помогает этому вторжению осуществиться: поздно ночью приводит она в дом новую служанку, взамен умершей Феклы.

Варфоломей — несомненный дьявол. Об этом в «Уединенном домике на Васильевском» говорится сперва смутными намеками, затем намеки становятся все прозрачнее, и наконец личина с лица Варфоломея спадает окончательно. Новая кухарка вдовы — вряд ли даже самый мелкий бес. Скорее всего — это просто разбитной парень, невысокого полета птица, где-то, когда-то сумевший прельстить неопытное сердце Параша. Во всяком же случае, это — темная личность, не ограничившаяся ухаживанием у ворот да на гулянии, а решившая переступить мирный порог вдовы, свить гнездо в доме жертвы. В пушкинской пародии она занимает то же место, какое в сугубо романтической повести Титова занимает демонический Варфоломей. И кто знает, какие беды теперь начались бы, какие пошли бы «грехи», если бы раз, стоя в церкви, не затревожилась вдова. «Мне что-то страшно», — сказала она дочери. И вот

...с паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетела;
В ней сердце билось, как перед бедой.

Спасительная тревога охватила старуху, когда она была в церкви. Примечательно, что и в «Уединенном домике на Васильевском» есть момент, внутренне сходный: Павел, гуляя в обществе Варфоломея, совсем было забыл о Вере; и вот, «однажды в день воскресный, после ночи, потерянной в рассеянности, Павел проснулся поздно поутру. Раскаяние, недоверие давно так его не мучили. Первая мысль его была идти в церковь, где давно, давно он не присутствовал. Но, взглянув на часы, он увидел, что проспал час обедни». Тогда он решил отправиться прямо к Вере, но тотчас встретил Варфоломея. С этого момента и начинается вторжение дьявола в жизнь уединенного домика.

Павел проспал обедню, старуха — нет. Павел накликал вторжение Варфоломея, старуха в церкви встревожилась — и предотвратила бедствия, грозившие от вторжения, уже совершившегося. Ее немудреное сердце было право. Не прибеги она домой, не накрой «Маврушку» перед Парашиным зеркальцем, с намыленной щекой и с бритвой в руках, — могла бы бредущая кухарка не только «обокрасть да улизнуть», чего так боялась вдова, но и наделать бед покрупнее. Может быть, если бы затеи лихого человека осуществились, не дожидая бы Параша и до «вечера осени ненастной», а утопилась бы раньше, как бедная Лиза, как топились, навек губя душу, многие ее сверстницы, поверившие соблазнительям.

Но вдова прибежала домой, накрыла соблазнителя, и тот «с намыленной щекой, через старуху (вдовью честь обидя)», обратился в бегство, да так, что его «с тех пор как не было — простыл и след». Точно так же после смерти вдовы и пожара исчез Варфоломей, слишком поздно разоблаченный Верой: «описали его приметы, искали его явным и тайным образом не только во всех кварталах, но и во всем уезде Петербургском; но все было напрасно: не нашли и следов его».

В «Домике в Коломне» все кончилось очень благополучно, — и Пушкин, для читателя, ищущего «нравоучения», заканчивает всю повесть на первый взгляд шуточной, но, пожалуй, многозначительной строфой:

Вот вам мораль: по мнению моему,
Кухарку даром нанимать опасно;

Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несогласно
С природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.

В этом предложении — ничего больше не «выжимать» из рассказа — есть гениальное лукавство. Именно после таких слов читателю хочется «выжать» больше, чем это сделал сам поэт. Пушкин как бы хочет намекнуть, что ради таких пустячных выводов не стоило «поднимать тревогу», «скликать рать» и «с похвальбой идти», как он это сделал. Однако все иные выводы он предоставляет самому читателю, хотя от себя намекает, что все-таки какие-то неосуществившиеся, предотвращенные, но намечавшиеся опасности угрожали «смиренной лачужке» вдовы. И быть может, потому-то и установил Пушкин явную, текстуальную связь повести с «Уединенным домиком на Васильевском», недавно напечатанным, что хотел натолкнуть читателя на сопоставления, нами уже указанные.

В глазах зоркого читателя, пристально следящего за текущей литературой, такие сопоставления должны были придать повести значение гораздо более серьезное, чем то представлялось поверхностному взгляду, видевшему в «Домике в Коломне» стихотворную шутку — и только.

Итак, конфликт, возникающий из вторжения темных сил в человеческую жизнь, первоначально был разрешен Пушкиным комически. Но уже в ту пору, когда впервые представились ему образы «Уединенного домика на Васильевском», поэту, как видно из самой повести, известны были другие возможности, возникающие из того же столкновения: возможности разрешения трагического. Процесс расчленения «Уединенного домика» не мог остановиться на «Домике в Коломне», и вот, в том же Болдине, где написана была последняя повесть, ровно три года спустя, Пушкин берется за новый труд. «Домик в Коломне» начат 5 октября 1830 года. 6-м октября 1833-го помечен один из первых набросков «Медного Всадника».

В специальной литературе существует мнение, что «Медный Всадник» задуман значительно ранее этого времени. Так это или не так — для нас в данном

случае безразлично. Когда бы ни был задуман «Медный Всадник», мы вправе утверждать, что в том, как он осуществлен, значительную роль сыграл все тот же мотив, лежащий в основе «Уединенного домика на Васильевском». Тем более что ведь и замысел «Уединенного домика» окончательно сложился не менее чем за четыре года до «Медного Всадника», а может быть, и значительно раньше.

И снова одно из главных мест, на которых развертываются события поэмы, невольно сопоставляется с местом действия «Уединенного домика на Васильевском» и «Домика в Коломне».

Вот где стоит «уединенный домик»: северная сторона Васильевского острова «вдаётся длинною косою в сонные воды залива»; ряд огородов «приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокой крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий».

В этом домике живут вдова с Верой.

А вот описание домика из «Медного Всадника»:

*...близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь...*

Эта вдова остается безымянной, как в «Уединенном домике на Васильевском» и в «Домике в Коломне». Но дочь, как и героиню «Домика в Коломне», зовут Парашей. Временно из домика на Васильевском острове переселялась вдова в домик, стоящий в Коломне. Но ко времени «Медного Всадника» вернулась она обратно к реке. Зато теперь герой повести, Евгений, «живет в Коломне». Все три вдовы с тремя дочерьми своими описаны чертами схожими, как и домики, в которых они живут. Принадлежат они к тому «среднему классу», среди которого «известна история Павла и Веры». Павел «служит в Петербурге». Евгений «где-то служит». Оба они — незаметные, маленькие чиновники, никто их не знает. Имя Евгения «светом и молвой... забыто». Припомним, что так же неведом «свету» и Павел. Точно так же, как Павел — в Веру, Евгений влюблен в Парашу. События «Медного Всад-

ника» разыгрываются не только в сходной обстановке места действия, не только в той же среде, но и между теми же лицами, как и события «Домика в Коломне» и «Уединенного домика на Васильевском».

Все эти лица — маленькие, обыкновенные люди, ничем не выделяющиеся из своего «среднего» класса, и уж отнюдь не герои. В личности их нет ничего, что бы должно особенно притягивать к себе темные силы. Если бы не непрошеное, но в то же время неодолимое вторжение дьявола-Варфоломея, Павел рано или поздно женился бы на Вере, жизнь их текла бы мирно и благополучно. Если бы не вода, нахлынувшая так же неодолимо, Бог весть зачем и откуда; если бы наводнение не снесло стоящего у залива домика, — точно так же Евгений женился бы на своей Параше, и их жизнь была бы так же скромна, безвестна и беспечальна. Но страшную роль Варфоломея сыграли «злые волны» — или тот *Он*,

...чьей волей роковой
Под морем город основался.

Силы неведомые, неожиданные и враждебные не дают жизни простых и смиренных людей течь беспрепятственно. Они непрошено вторгаются в эту жизнь, как кто-то, нанявшийся в кухарки к коломенской вдове; они врываются, как Варфоломей ворвался в уединенный домик на Васильевском; они рушат и сносят все на своем пути, как воды, разрушившие домик Парашы и ее матери. Таков внутренний, основной параллелизм всех этих повестей, теперь уже не двух, а трех. Борьба человека с неведомыми и враждебными силами, лежащими вне доступного ему поля действий, и составляет фабулу как «Уединенного домика на Васильевском», так и «Домика в Коломне» и «Медного Всадника».

«Медный Всадник» — апофеоз Петра. Но в глазах Пушкина великое и прекрасное в Петре сочеталось с ужасным:

...Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь, как Божия гроза.

(«Полтава»)

Так и в момент создания «Медного Всадника» Пушкин понимал, что все-таки царь Петр есть гений, душа того бедствия, которое стряслось над Евгением.

Знал он и то, что, олицетворяя ужас в Петре, он в известном смысле делает трагедию «бедного Евгения» трагедией всей России. Поэтому правы те, кто, начиная еще с Белинского, придает «Медному Всаднику» смысл трагедии национальной. Такого смысла не упускал из виду и сам Пушкин, особенно в первой половине вступления и в словах второй части:

О мощный властелин Судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Но этот смысл повести — не единственный. Он лишь тесно прирос к другому, мною уже указанному, ради которого и подчеркнут не только несокрушимый, «медный», но и фантастический, страшный, демонский лик Петра. Но то, что для Пушкина было и прекрасно, и ужасно, для Евгения было только ужасно. То, на что спокойно мог смотреть Пушкин, было нестерпимо глазам Евгения. Он видел только демонический лик Петра. Ему казалось, что царь над волнами высится как их глава, как страшный и неподвижный предводитель демонов. И снова: «Ужасен он в окрестной мгле!» И не разберешь, усмиряет ли демонов его «простертая рука» — или их возбуждает, ведет на приступ.

Так же ужасен был миг, когда Евгений это понял, когда для него открылась тайная связь Петра с волнами, сгубившими несчастную Парашу. «Прояснились в нем страшно мысли», — говорит Пушкин. И подобно тому как потерявший Веру Павел решается на открытую борьбу с Варфоломеем, Евгений решается бросить вызов Медному Всаднику:

...Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Шепнул он, злобно задрожав:
«Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что Грозного Царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне...

В «Уединенном домике на Васильевском», когда Павел, потеряв из виду неизвестного, сел на извозчика, тот завез его в жуткие и пустынные места. Павел окликнул возницу, потом, после молчания, еще раз и, не получив отклика, со всего размаху ударил своею палкою по спине извозчика. Но каков был его ужас, когда этот удар произвел звон костей о кости, когда мнимый извозчик, оборотив голову, показал ему лицо мертвого остова и когда это лицо, страшно оскалив челюсти, произнесло невнятным голосом: «Потише, молодой человек; *ты не с своим братом связался*»*.

Евгений только погрозил Всаднику — Павел ударил извозчика палкой. Но в том, как ответили им и извозчик, и Всадник, есть одна существенная общая черта: оба медленно обратили головы и показали свои лица. Павел увидел «лицо мертвого остова» с оскаленными челюстями. Что увидел Евгений — нам неизвестно. Но он «стремглав бежать пустился» от одного этого движения. В том, что недвижная статуя вдруг повернула лицо, больше ужаса, чем в мертвых челюстях извозчика. И если Всадник ничего не сказал Евгению, то извозчик сказал Павлу именно то, что Евгений понял без слов: «Потише, молодой человек; *ты не с своим братом связался*».

Эта фраза из «Уединенного домика на Васильевском» есть в то же время основа всех толкований «Медного Всадника». Да, Евгений тоже «не с своим братом связался». И ему, и Павлу открылось это среди пустынной петербургской ночи, вдалеке от дома, когда оба они находились лицом к лицу и один на один с врагом.

Павел перекрестился, Евгений не сделал этого, —

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Вдова из «Домика в Коломне» накрыла и разоблачила опасного своего гостя, так что он не успел и

* Курсив подлинника.

опомниться. Евгений с Павлом не так просты, как вдова. Ее бабьи средства им и неведомы, и они вступают в борьбу со своими врагами как с равными. Вдова восстановила тихое благополучие своего домика — они же оба поплатились безумием за свою попытку. Ее спасла трусость, их погубила смелость. Безумный Павел бежал от людей. Таким же нелюдимым сделался и Евгений. Ранняя смерть завершила участь обоих. Можно сказать, что их судьба настолько же трагичнее, чем судьба вдовы из «Домика в Коломне», насколько сами они умнее, сложнее и смелее ее.

Варфоломей заставил Павла ввести его в домик на Васильевском острове. Таинственная кухарка сама воспользовалась наивной неопытностью сердца Парашки, чтобы так же вторгнуться в домик, стоящий в Коломне. Мирная жизнь третьего домика, стоявшего «у самого залива», и нежная любовь бедного Евгения были разрушены, сметены нежданно нахлынувшими волнами.

Во всех трех случаях инициатива вторжения, завязка возникающего столкновения принадлежала не тем, кому суждено было стать жертвами предстоящей борьбы: не обитательницам мирных домиков, не Павлу и не Евгению. Однако мыслима и другая возможность: мыслима в человеческой личности самостоятельная жажда пойти навстречу неведомой силе — и попытаться подчинить ее своей воле. Страшные опасности грозят тому, кто поддается такому соблазну. Но ведь еще тою же осенью 1830 года, когда создан «Домик в Коломне», написал Пушкин одни из глубочайших своих строк:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!

На такой шаг к тому, что грозит гибелью, решился Германн. «Пиковая Дама», написанная, как и «Медный Всадник», осенью 1833 года, такой же случай соприкосновения человеческой личности с темными силами, как и три предыдущие повести, — с той отличительной чертой, что инициатива столкновения принадлежит на этот раз самому человеку.

Конечно, Германн совсем не так беспомощен и растерян, как герои «Уединенного домика» и «Медно-

го Всадника», Павел и Евгений. С тремя вдовами и их дочерьми его смешно даже сравнивать. «У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля», — сказал о нем Томский. И прибавил: «Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния». Но таким его видел (или хотел видеть) только Томский. Сам Пушкин признает в Германне лишь одно существенное свойство: железную, несокрушимую волю. Такой волей может обладать самый средний, заурядный человек. Никаких демонических или сверхчеловеческих свойств Пушкин в удел Германну не дал. Отметив лишь его волю, поэт рядом других замечаний как бы хочет подчеркнуть читателю, что Германн по природе своей такой же средний, невыдающийся человек, как Евгений и Павел. Другими словами, что и на этот раз происходит столкновение темной силы только с человеком, отнюдь не с сверхчеловеком. Германн — «сын обрусевшего немца», получивший от отца маленькое наследство и служащий в маленьком чине. Больше того: в обычном, в житейском, Германн мещански осторожен. Он целыми вечерами просиживает возле игроков, напряженно следя за игрой и не отваживаясь рискнуть хотя бы копейкой. «Игра занимает меня сильно, — говорит он, — но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Сколько коротенькой умеренности, сколько пошлого благоразумия в этих словах — и как героически тверд становится этот осторожный немец после того, как вступает на путь, гораздо более опасный, нежели игра в карты с конногвардейцем Нарумовым и его приятелями! Не оттого ли это, что кроме возможности мгновенного и большого обогащения таинственные графинины карты скрывают в себе и «неизъяснимое наслаждение», грозящую гибель, с которой так сладостно-жутко пошутить «смертному сердцу»?

Германн — такой же маленький, средний, «смертный» человек, как Евгений и Павел. Но, маленький и придавленный, хочет он выкарабкаться наверх, стать не хуже других, «упрочить свою независимость», как он выражается. Раньше для этого он «не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе ни малейшей прихоти». Анекдот о трех картах отравил его спокойствие. Во сне ему стали грезиться «кипы ассигнаций и груды червонцев». И вот он уже не

может довольствоваться прежней своей программой достижения счастья: он решается на отчаянное дело: вывести тайну графининых карт, то есть стать выше окружающих не только благодаря обычным, человеческим способам, но и благодаря средствам сверхъестественным. И это уже бунт, вызов. Только «неизъяснимы наслажденья» этого опасного бунта для Германна — не «залог бессмертья», а залог «независимости».

Ради маленького, пошлого желанья обогатиться вступает он на путь великих и дерзновенных душ, которым мечталось бессмертие, а не «независимость». Крошечный Прометей, не трогающий процентов богоборец, — он обладает такою же несокрушимостью *характера*, как и подлинные герои, и не обладает высотой их подвига, величиим их *души*. Он присвоил себе их права, не догадываясь или не думая об обязанностях. Демоническое, сверхъестественное знание не налагает на него никакой ответственности и само по себе даже не имеет в глазах его никакой цены. Горьких корней этого знания он не замечает. Он тянется только к сладкому плоду его, да и тот понимает только как обогащение. В самом демонизме своем Германн угнетающе практичен.

То, ради чего решается он бросить вызов миру, — неизмеримо меньше того, что воодушевляло его великих братьев. «Профиль»-то у него как у Наполеона, это верно, но насчет «души Мефистофеля» — это Томский польстил и ему, и себе: далеко Германну и до Мефистофеля. «Пистолет мой не заряжен», — говорит он Лизавете Ивановне. Своим незаряженным пистолетом он до смерти напугал глупую, жалкую старуху. Но больше никого. Не испугались его и те, кого хотел он подчинить своей воле.

Только до разговора с графиней Германн сам шел навстречу черной силе.

Когда же графиня умерла, он подумал, что замысел его рушится, что все кончено и жизнь отныне пойдет по-старому, с тем же капитальцем и нетронутыми процентами. Но тут роли переместились: из нападающего он превратился в объект нападения. Мертвая старуха явилась к нему. «Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу» и т. д. Однако те, по чьей воле она пришла исполнить волю Германна,

насмеялись над ним: не то назвали ему две верных карты и одну, последнюю, самую важную — неверную, не то в последний, решительный миг подтолкнули его руку и заставили проиграть все. Как бы то ни было, возвели почти на предельную высоту — и столкнули вниз. И в конце концов — судьба Германна буквально та же, что и судьба Павла с Евгением: он сходит с ума.

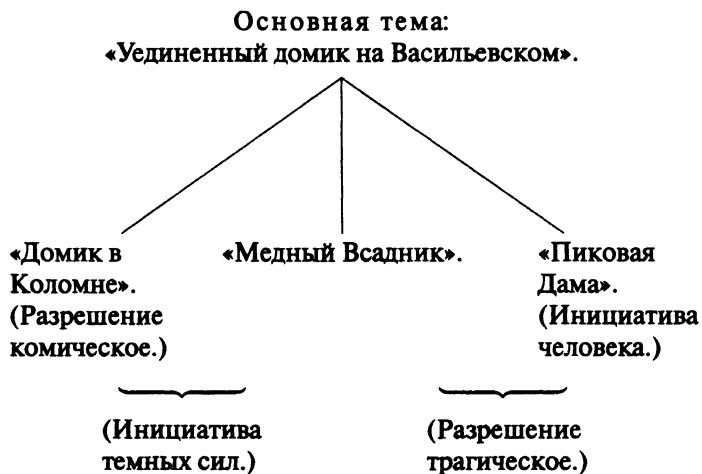
Есть и в «Пиковой Даме» черты внешнего сходства с «Уединенным домиком на Васильевском». Старуха графиня, бывшая красавица, состоящая в каких-то невыясненных сношениях с темными силами, напоминает соблазнительную графиню «Уединенного домика». Представление об обеих связано у нас с представлением о картах и о таинственных судьбах игры. Старая графиня из «Пиковой Дамы» играла в молодости с Сен-Жерменом. В доме еще прекрасной графини «Уединенного домика на Васильевском» собираются для игры сами демоны. Однако эти общие черты, как и еще несколько менее примечательных совпадений, могут быть отнесены к чисто внешним и создавшимся случайно.

Впрочем, нам кажется, что вся совокупность параллельных мест в этих повестях сама по себе есть уже явление, заслуживающее пристального внимания.

Что касается внутреннего соотношения повестей, то оно может быть установлено следующим образом. Основание всей группы — «Уединенный домик на Васильевском». Основная тема — столкновение человека с темными силами, его окружающими. Подарив «Уединенный домик» Титову, Пушкин отнесся к повести как к первоначальному, еще хаотическому, черновому замыслу. Расчленение этого хаоса привело поэта к созданию «Домика в Коломне» — повести, в которой возникшее столкновение разрешено комически, с победой на стороне человека. «Медный Всадник», как и сам «Уединенный домик на Васильевском», служит примером разрешения трагического. Однако и в «Уединенном домике на Васильевском», и в «Домике в Коломне», и в «Медном Всаднике» инициатива столкновения принадлежит темным силам. Продолжая расчленение основной темы, Пушкин впоследствии дает пример обратной возможности, то есть случая, когда инициатива конфликта принадлежит самому человеку: таким

примером служит «Пиковая Дама». Здесь следует еще подчеркнуть, что трагическое разрешение конфликта объединительно выражено и здесь точно в такой же форме, как в двух предыдущих случаях: главный герой повести, Германн, сходит с ума.

Таким образом, взаимное отношение всех четырех повестей друг к другу графически изобразимо в следующей симметрической схеме:

Итак, и Павла, и Евгения, и Германна, вступивших в сознательную борьбу с «чертями», которым «охота вмешиваться в людские дела», постигла одна и та же прискорбная участь. Только вдова из «Домика в Коломне» благополучно выдержала натиск темных сил. Но она и не думала с ними бороться как с дьяволами. Того, кто забрался к ней в дом, сочла она вором, не больше. Она его обессилила внезапным разоблачением — и «вор» бежал, как бежал Варфоломей, хотя и слишком поздно, но тоже разоблаченный Верой. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что последний вывод из пушкинских петербургских повестей таков: возводя черта на слишком высокую ступень или хотя бы только поднимая его до себя, как делали Павел, Евгений и Германн, мы лишь увеличиваем его силу, — и борьба с ним становится для нас невозможной. Дьявол, как тень, слишком скоро перерастает своего

господина. Однако для всех, кто мыслит и колеблется, неизбежна участь этих «безумцев бедных». Вдова же не колебалась, потому что и не мыслила. «Маврушку» разоблачила она по-бабьи, по-глупому, *сама не понимая того, что делает*. А «понимавшие» погибли. В этом смысле «Домик в Коломне», наряду с прочими повестями цикла, есть своеобразная «похвала глупости».

В таком мнении, странном только на первый взгляд, укрепляет нас еще одно обстоятельство.

Тою же осенью 1830 года, там же, в Болдине, почти одновременно с «Домиком в Коломне» написаны «Каменный Гость» и «Гробовщик». Прямая связь между последними двумя произведениями зорко замечена была еще А.С.Искозом в его статье о «Повестях Белкина», хотя и была истолкована несколько иначе. В самом деле: вызов пьяного и глупого гробовщика совершенно тождествен с вызовом Дон Жуана: и тот и другой в порыве дерзости зовут мертвецов к себе на ужин. Мертвецы приходят. Но сознательно дерзкий Жуан погибает: ожившая статуя губит его, как погубил оживший Всадник Евгения. А дерзнувший спяна, по глупости гробовщик принимает у себя целую толпу мертвых, но потом просыпается — и все оказывается вздором, маревом, сном, и он мирно садится пить чай.

Поэтому «Гробовщика» можно рассматривать как комическое разрешение все той же темы, при условии, что инициатива конфликта принадлежит человеку. Он так же точно относится к «Пиковой Даме», как «Домик в Коломне» — к «Медному Всаднику». Формально не будучи «петербургской» повестью, так как действие его происходит в Москве, «Гробовщик» внутренне может быть включен в начерченную нами схему — и тогда придаст ей полную законченность: он заполнит существующий в ней пробел. Что же касается «Каменного Гостя», то он естественно выходит за пределы схемы: героический характер главного действующего лица решительно отличает его от других повестей. Гибель его настолько же ужаснее и необычайнее гибели Германна (вполне соответствующего ему по месту, занимаемому в конфликте), насколько сам он значительнее и выше не трогающего процентов Германна.

И еще одно обстоятельство здесь необходимо отметить: несмотря на то что «Каменный Гость» вы-

ходит за пределы цикла, основанного на столкновении с темными силами средних, обычных людей, — упоминание о нем уже заключено все в том же «Уединенном домике на Васильевском». Поняв коварные замыслы Варфоломея, Павел собирается при первой же встрече высказать врагу свою ненависть. И вот, в это самое время, Варфоломей входит к нему «с таким же мраморным спокойствием, с каким статуя Командора приходит на ужин к Дон Жуану».

В свою очередь, «Гробовщик» является такою же пародией на «Каменного Гостя», как «Домик в Колонне» — пародия на «Уединенный домик». Но пушкинская пародия — не только шуточная трактовка серьезной темы: она и по существу является, так сказать, оборотной стороной этой темы. Пушкинская пародия всегда столь же глубока, как и то, что ею пародируется. Для Пушкина «пародировать» значило найти и выявить в действии возможность комического, счастливого разрешения того же конфликта, который трагически разрешается в произведении первоначальном.

Но здесь мы уже подходим к двум проблемам, могущим стать предметом самостоятельных изысканий: к проблемам «улыбки» и «демонологии» Пушкина.

В данном же случае нашей задачей было лишь отметить, что петербургские повести Пушкина могут быть связаны между собой не только гадательными и туманными особенностями «петербургского воздуха», но — главным образом — совершенно определенной темой, различно трактованной, однако же ясно выраженной в заключительных словах «Уединенного домика на Васильевском»: «откуда у чертей эта охота вмешиваться в людские дела?..»

1914

Томилино

«И что за счастье, что когда-то...» — Источник цитаты установить не удалось.

С. 41. ...«дерзнул в забавном русском слоге...» — Из ст-ния «Памятник» (1795).

С. 42. «Шекснинска стерлядь золотая...» — Из ст-ния «Приглашение к обеду» (1795).

С. 43. «Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос...» — Здесь и далее цитируется ст-ние «Евгению. Жизнь Званская» (1807).

С. 44. «Зрел ли ты, Певец Тиуский...» — Из ст-ния «Русские девушки» (1799).

С. 45. «Вот красно-розово вино...» — Из ст-ния «Разные вина» (1782).

С. 46. «Необычайным я пареньем...» — Из ст-ния «Лебедь» (1804).

С. 47. «Душа моя! гостья ты мира...» — Из ст-ния «Ласточка» (1794).

Петербургские повести Пушкина (с. 48). — Аполлон. 1915. № 3. С. 33—50; также: Уединенный домик на Васильевском / Вступ. статья Владислава Ходасевича. М.: Универсальная библиотека, 1915. С. 3—33. Статья вошла в *СРП*, с. 58—96.

В этой последней (книжной) редакции автор снял две заключительные фразы, которыми заканчивалась статья в обеих публикациях 1915 г.: «Вместо непрочной связи лирических постижений и неизъяснимых “предчувствий” мы предлагаем установить между рядом произведений Пушкина прямую и прочную, тематическую и текстуальную связь.

И конечно, возможностью это сделать мы обязаны счастливой находке “Уединенного домика на Васильевском”».

Статья явилась первой пушкиноведческой работой Ходасевича; она была вызвана сенсационным открытием в 1912 г. «Уединенного домика на Васильевском» и авторского участия Пушкина в создании этой повести. На упомянутую в статье публикацию повести Н.О.Лернером в журн. «Северные записки» Ходасевич откликнулся заметкой в *ГМ* (1913. 23 февраля), в которой уже в зерне содержалась идея статьи о «петербургских повестях Пушкина». Импульсом для нее послужило замечание Н.О.Лернера, которым он сопровождал свою публикацию: «Бытовыми чертами повесть родится с “Домиком в Коломне” и “Медным всадником”. В бытовом смысле это тоже “петербургская повесть”. Вдова-старушка с хорошенькой простушкой-дочерью, живущие в низеньком домике на окраине города, фигурируют в “Медном всаднике” и “Домике в Коломне”...» (Северные записки. 1913. Январь. С. 187). Эти эмпирические замечания Ходасевич развил в широкое построение; «петербургские повести Пушкина» связаны у него не одним бытовым материалом, но философской темой. Статью Ходасевича отличало стремление ввести в изучение Пушкина теоретические идеи и исследовательские приемы, непривычные в традиционной пушкинистике. Предпринятая здесь попытка связать философское истолкова-

ние Пушкина со структурными наблюдениями и обнаружить большой контекст творчества Пушкина путем сопоставления параллельных мест, образующих в ряде произведений «прочную тематическую и текстуальную связь», — такая попытка, независимо от уязвимости и некоторой философской наивности общего вывода относительно этой тематической связи (вмешательство темных сил в людские дела), найдет в будущем литературоведении продолжение и развитие в методологии изучения «единого текста» и поэтического мира писателя.

С этой статьи началось знакомство Ходасевича с М.О.Гершензоном (см. очерк о Гершензоне в «Некрополе» — т. 4 наст. изд.); в дальнейшем они занимают близкие позиции в пушкиноведении, настаивая на исключительной важности биографического момента в творчестве Пушкина. Критику статьи Ходасевича как «субъективно-импрессионистической» (без упоминания в печатной публикации доклада имени Ходасевича, называемого анонимно «историком литературы») и автором статьи в «Аполлоне», поскольку на имя Ходасевича в 70-е — первой половине 80-х годов был наложен в советской печати цензурный запрет) см. в докладе В.В.Виноградова «Сюжет о влюбленном бесе в творчестве Пушкина и в повести Тита Космокротова (В.П.Титова) “Уединенный домик на Васильевском”» (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 124—127). Виноградов, в частности, связывал уязвимость построений статьи Ходасевича с тем, что ему было еще неизвестно такое важное звено пушкинского замысла, приведенного к рассказу Титова, как план повести о влюбленном бесе, опубликованный в 1923 г.

С. 49—50. *...рассказала в записках своих еще А.П.Керн.* — См.: Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 32.

С. 50. *...помещено письмо самого Титова...* — См.: Барон А.И.Дельвиг. Мои воспоминания. М., 1912. Т. I. С. 158.

С. 67. *...не то назвали ему две верных карты и одну, последнюю, самую важную — неверную...* — Здесь у Ходасевича неточное понимание сюжета «Пиковой дамы», связанное — как ни странно это сказать о таком знатоке и практике карточной игры и в будущем авторе статьи «Пушкин, известный банкомет» (В. 1928. 6 и 7 июня) — с невниманием к механизму игры в фараон; это отметил В.В.Виноградов в статье «Стиль “Пиковой дамы”» (1934): «Ясное понимание процесса игры должно предохранить читателя от всяких недоразумений вроде тех, в какие впал Влад. Ходасевич, стараясь понять проигрыш Германна как насмешку злых, темных сил...» (Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 178). Неудача Германна в последней ставке объясняется не тем, что фантастические силы его обманули (именно так формулировал Ходасевич в упомянутой выше заметке в ГМ: «Германн сперва выигрывает. Но темные силы обманывают его...»), а тем, что сам он «обдернулся»: туз выиграл, но на руках у него вместо туза оказалась пиковая дама, в его сознании подменившая верно предсказанного ему туза.

С. 69. ...*А.С.Искозом в его статье о «Повестях Белкина»...* — Статья А.С.Искоза (Долинина) в IV т. Собр. соч. Пушкина под ред. С.А.Венгерова (СПб., 1910).

О «Гаврилиаде» (с. 71). — Понедельник *Власти народа*. 1918. 16 (29) апреля; дата под текстом статьи в *СРП*, очевидно, ошибочная. Новый вариант статьи, со включением дополнительного материала, — В. 1929. 12 сентября. Печ. по тексту *СРП*.

Написано по поводу первого в России издания полного текста поэмы Пушкина: *Гаврилиада: Полный текст / Вступ. статья и критич. примеч. Валерия Брюсова*. М.: Альциона, 1918. В написании названия поэмы Ходасевич следовал этому изданию; верное написание ввел Б.В.Томашевский в научном издании текста поэмы: *Пушкин А.С. Гаврилиада / Редакция, примеч. и коммент. Б.В.Томашевского*. Пб., 1922.

С. 71. ...*одного из заграничных изданий поэмы*. — Ряд заграничных изданий основывался на публикации Н.Огарева (с его предисловием) в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861). По этому изданию напечатан текст поэмы и в издании «Альционы».

...*в ограниченном числе экземпляров...* — Во втором издании поэмы той же «Альциной» в том же, 1918 г., также со вступительной статьей Брюсова, но уже «для более широкого круга читателей», как сообщалось в предисловии «От издательства», вновь были сделаны купюры в тексте.

...*издатели указывают в предисловии...* — Цитируется предисловие от издательства, которое было также написано Брюсовым.

С. 73. *Предположительно определяя время написания поэмы осенью 1822 года...* — Поэма была написана в апреле 1821 г.; датировка установлена Б.В.Томашевским в его издании «Гаврилиады» 1922 г. (с. 46). Как дата, так и написание названия поэмы исправлены в последующих работах Ходасевича.

...*так, Веронезу... пришлось держать ответ пред судом инквизиции*. — Венецианский живописец Паоло Веронезе (1528—1588) 18 июля 1573 г. подвергся допросу в трибунале инквизиции по поводу вольностей, допущенных им в изображении евангельского события в картине «Пир у Левия». В свое оправдание он ссылался на свободу трактовки священных сюжетов у итальянских художников (в частности, у Микеланджело) и на вольности, дозволенные поэтам и безумцам. Допрос окончился благополучно для Веронезе, но по требованию трибунала он должен был произвести в картине существенные изменения.

С. 75. ...*прямо причисляя себя к «афеям»*. — Очевидно, имеется в виду известное письмо Пушкина, вероятно к Вяземскому от апреля — первой половины мая 1824 г. Непростой вопрос о характере атеизма молодого Пушкина Ходасевич был склонен решать прямолинейно (ср. выше в тексте статьи: «Пушкин, когда писал «Гаврилиаду», не веровал вовсе»). Более сложное понимание пуш-

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

**Записная книжка
Статьи о русской поэзии
Литературная критика
1922-1939**

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 1996